

Солнце стояло в зените. Трёхмесячный Су Чэнь нежился на руках у Сунь Ланьюэ, подставляя лицо тёплым лучам.

Глядя на то, что творилось вокруг, Су Чэнь не мог отделаться от горько-сладкого чувства. Он полагал, что семья Су живёт небогато, но, увидев окрестности, понял, что сильно недооценивал масштаб нищеты этой эпохи. Он ошеломлённо смотрел по сторонам, не в силах представить, до какой степени здесь дошла нужда.

На самом деле деревню Суцзятунь можно было назвать относительно зажиточной: рядом были горы и река. Жители могли наловить рыбы или раков, сходить в лес за дичью или кореньями, чтобы хоть как-то разнообразить скудный рацион. В других деревнях, где было ещё беднее, люди по-настоящему голодали, и смерти от истощения случались довольно часто. Для Су Чэня, прожившего жизнь в процветающем двадцать первом веке, подобные картины были немыслимы. Он лишь надеялся, что эта тяжёлая и беспокойная эпоха поскорее пройдёт.

Прошлой ночью прошёл небольшой дождь, и повсюду виднелись следы от ног деревенских жителей, превратившие землю в месиво из грязи, выбоин и разбросанных камней. Люди жили в хижинах, слепленных из жёлтой глины, с прохудившимися соломенными крышами, а внутри вместо пола была лишь утрамбованная земля. Всё вокруг казалось серым и тусклым — будто в этом времени, кроме красок природы, не существовало никаких других цветов, что нагоняло невыносимую тоску.

Лишь два дома в деревне могли похвастаться зелёным кирпичом и добротной черепицей: их собственный и дом бухгалтера Су. Эти постройки возвели всего пару лет назад, и именно поэтому в последнее время семье Су приходилось затягивать пояса ещё туже. Несмотря на то что жизнь была скудной и люди зачастую не могли досыта наесться, все они — от мала до велика — сохраняли бодрость духа и неиссякаемую энергию. Су Чэнь испытывал глубокое уважение к людям этой эпохи.

Он медленно поднял взгляд на восково-жёлтое лицо Сунь Ланьюэ и почувствовал, как сжалось сердце от жалости к матери. Су Чэнь нахмурился, размышляя, как бы так незаметно вытащить припасы из своего пространства, чтобы это выглядело правдоподобно.

За ужином, сидя на руках у Сунь Ланьюэ, он разглядывал скудную трапезу на столе: миска маринованной редьки, миска капусты, жаренной на свином жире, каждому по порции каши из батата и тарелка кукурузных лепёшек. Видя, как вся семья ест это с таким довольным видом, Су Чэнь чувствовал себя так, будто надел ватник в самый разгар летней жары. В его пространстве хранились горы провизии, которых хватило бы на несколько жизней, а ему приходилось смотреть, как родные питаются этой пустой похлёбкой, в которой не было ни кусочка мяса.

С точки зрения Су Чэня, стол выглядел крайне убого. Однако в глазах деревенских жителей рацион семьи старосты считался роскошью. Многие бедняки в деревне питались лишь болтушкой из дикорастущих трав да маринованной редькой, и были счастливы, если удавалось набить желудок хотя бы на шесть-семь частей из десяти. Су Чэнь был подавлен: сам-то он мог тайком перехватить мясного бульона из своего пространства, чтобы побаловать себя, но

видеть, как страдают близкие, было невыносимо.

После ужина Чэнь Гуйчжи, баюкая Су Чэня, обсуждала дела с Су Цзяном:

— Старик, пусть завтра старший сын съездит в уезд к Мэйли, отвёзёт ей немного еды. Двадцать цзиней кукурузной муки и двадцать цзиней батата, как думаешь? В городе нормы выдачи зерна строго ограничены, разве хватит этого на всю их семью?

Су Цзян опустил голову и задумчиво ответил:

— А сколько у нас осталось? Хватит ли до конца года, когда снова выдадут зерно? Сейчас горячая пора, дай старшему юань, пусть купит немного мяса, чтобы все могли подкрепиться.

Чэнь Гуйчжи горестно вздохнула:

— Всё из-за твоей доброты! Своего зерна нам едва хватает, а ты раздаёшь его тем, кому нечего есть. Теперь нам самим приходится сидеть на восьмидесяти процентах сытости.

Чэнь Гуйчжи понимала, что муж движим благими намерениями, но в эту эпоху зерно означало жизнь. Услышав её жалобы, Су Цзян нахмурился так, что между бровей залегла глубокая складка.

Су Чэнь, слушая разговор бабушки и дедушки, испытывал противоречивые чувства. Секундное колебание мелькнуло в его глазах, но вскоре сменилось решимостью: он не позволит родным больше голодать. Проведя с ними эти несколько месяцев, он понял, что они всегда будут любить его и верить в него.

Собравшись с духом, он усилием воли извлёк из пространства два мешка риса по двадцать цзиней, мешок муки, два цзиня лапши, двух пятифунтовых карпов, два куса грудинки по три цзиня и двух вяленых кур. К счастью, товары из пространства автоматически принимали вид упаковок этой эпохи, иначе было бы совсем непросто объяснить.

Увидев внезапно появившиеся на полу вещи, старики открыли рты от изумления и в панике замерли. Сердца их колотились, как барабаны, а губы беззвучно дрожали. Они переглядывались, не зная, что сказать. Су Чэнь очень хотел подать им знак, но, будучи младенцем, мог лишь издавать невнятное гуление и беспокойно дёргаться.

Старики смотрели то на внука, то на гору припасов. Если бы не запрет на суеверия, они бы тут же упали на колени, благодаря небеса. Су Чэнь, видя, что они всё ещё не пришли в себя, добавил из пространства две банки сухого молока, два десятифунтовых арбуза и пятифунтовый отрез армейской зелёной ткани.

Наконец, старики опомнились и посмотрели на внука. Тот улыбался и своими маленькими ручками указывал на вещи. Чэнь Гуйчжи первой пришла в себя и принялась покрывать лицо внука поцелуями. Она решила, что он — маленькое божество, иначе как объяснить это чудо,

подобное магии из сказок? Её охватили одновременно страх и восторг.

Вспомнив о необычной способности внука, старики забеспокоились, не вредит ли это его здоровью, и начали расспрашивать. Су Чэнь активно замахал ручками и ножками, и старики, наконец, успокоились. Поняв, что малыш понимает их, они принялись настойчиво просить его больше не делать этого при других. Кто знает, какие беды могли бы обрушиться на их семью, если бы узнали о таком чуде в эти смутные времена.

Су Чэнь лишь улыбался и кивал. Тело младенца было слишком слабым, и после манипуляций с пространством он почувствовал сильную усталость, погружаясь в сон.

Посоветовавшись, старики решили довериться младшему сыну и его жене, взяв с них клятву хранить тайну. Выйдя из комнаты родителей, Су Вэньяо и Сунь Ланьюэ выглядели совершенно потерянными. Они не могли поверить своим ушам и до сих пор пребывали в шоке. Ноги у них были словно ватные, будто они ступали по облакам. Их сын — божество? И всё, что появилось в комнате — его рук дело? Это казалось невозможным, но факты были перед глазами. Сердца супругов бешено колотились, ладони вспотели от переполнявших их чувств — то ли страха, то ли невероятного счастья.

<http://bllate.org/book/22436/2356545>